

В.А. Бажанов

МАРКСИЗМ И ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИОЦЕНТРИЗМ. ПАРАДОКСЫ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ*

Памяти Э.И. Колчинского

Бажанов Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор. Ульяновский государственный университет. Российская Федерация, 432000, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: vbazhanov@yandex.ru; web: <http://staff.ulsu.ru/bazhanov>

В статье анализируется ключевой принцип марксизма (марксизма-ленинизма) – принцип практики, который в области гносеологии функционирует в качестве критерия истины, а также установка на понимание сущности личности и иных общественных явлений, которая формируется исключительно определенной социально-экономической реальностью (вульгарный социоцентризм). В операциональном смысле принцип практики фактически интерпретируется как принцип единства теории и практики. Показывается, что благодаря природе властных отношений в тоталитарных политических режимах, прежде всего при осмыслении особенностей реализации этого принципа в условиях идеологизированной науки, возникает парадокс, который выражается в том, что на уровне практической деятельности (теоретический) принцип единства теории и практики в качестве критерия истины в силу действия эффекта «эхо-камер» смещался в область периферии. Этот эффект в течение десятилетий позволял развиваться ненаучным концепциям, которые обещали существенные практические результаты, но долгое время оказывались фактически бесплодными. Вульгарный социоцентризм (социологизм) подпитывал феномен идеологизированной науки, фактически активно пытаясь подавить натуралистические установки в биологии и препятствуя конструктивной реализации принципа практики. Данная ситуация разбирается на примере «мичуринской биологии» Т.Д. Лысенко, предлагается объяснение феномену влияния его фигуры в советской биологии. Рассматриваются причины, которые позволяли теоретическим концепциям Т.Д. Лысенко в условиях постоянных испытаний в сельском хозяйстве существовать без какого-либо заметного практического подтверждения в течение ряда десятилетий. На основании проведенного анализа делается вывод о том, как в условиях идеологизированной науки критерий научности в виде требования воспроизводимости эксперимента выносятся в область периферии методологического сознания.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант №19-011-00007а «Проблема синтеза натурализма и социоцентризма в когнитивных исследованиях: истоки и значение для эпистемологии и философии науки».

Ключевые слова: принцип единства теории и практики, социоцентризм, идеологизированная наука, Лысенко

Для цитирования: В.А. Бажанов. Марксизм и вульгарный социоцентризм. Парадоксы марксистской теории и практики // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 1. С. 97–109.

Как известно, принцип практики занимает в марксистской философии центральное место. Именно акцент на практике, роли практической деятельности в существовании человека и общества делал, так сказать, марксизм марксизмом. Начиная с первого тезиса К. Маркса о Фейербахе и до «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тетрадей» В.И. Ульянова-Ленина практика наделялась статусом «*выше (теоретического) познания*, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹. Поэтому само собой разумеющейся установкой для любого марксиста должна была служить установка, согласно которой «в практике должен доказать человек истинность, т.е. действенность и мощь, посюсторонность своего мышления»². В области теории познания этот принцип воплощался как принцип единства теории и (материальной по своей сути) практики.

Между тем реальная история науки в условиях господства марксизма-ленинизма в качестве государственной идеологии свидетельствует, на мой взгляд, не просто о невнимании, а – в условиях вульгарного социоцентризма (социологизма)³, который отличал феномен идеологизированной науки в СССР, – фактическом пренебрежении этим краеугольным принципом марксизма. Возможно, что этим принципом пренебрегали бессознательно, поскольку осознанное и рефлексивное следование этой марксистской догме неизбежно разрушило бы не только иллюзии по поводу всесильности идей К. Маркса (и В.И. Ленина), но и доказательства их воплощения в действительность, а это уже заставило бы впасть в ересь и усомниться в аутентичном понимании и следовании духу и букве марксизма самой коммунистической властью. Здесь кроется еще один парадокс марксистской теории и практики⁴, который сопутствует феномену идеологизированной науки, долгие годы доминировавшей в Советском Союзе. Ключевой принцип этого учения провозглашался в теории, но не желал работать на практике.

В чем конкретно выражается этот парадокс, имея в виду реализацию основополагающего марксистского принципа практики, идеи единства теории и практики? Какие факты свидетельствуют об игнорировании деятельности согласно этому принципу, причем игнорировании не единичном, а имеющем перманентный и универсальный характер? Почему социоцентризм в его вульгарной форме способствовал фактическому игнорированию принципа

¹ Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 29. М., 1969. С. 195.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 39 т. Т. 3. М., 1955. С. 1–2.

³ Понятия социоцентризма и социологизма употребляются в качестве равнозначных. См., например: Пружинин Б.И. Социологизм в эпистемологии (критические заметки) // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ. М., 2012. С. 61–79.

⁴ Бажанов В.А. Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XI. № 1. С. 146–156.

практики, требования воспроизводимости эксперимента в условиях идеологизированной науки на протяжении *десятков лет*?

Эти и смежные с ними вопросы до сих пор активно обсуждаются и в современной зарубежной, и отечественной литературе, особенно в связи с развитием эпигенетики, которая с поверхностной точки зрения реанимирует, казалось бы, канувшие в Лету идеи Ламарка и популярные в СССР во второй трети двадцатого века замыслы Т.Д. Лысенко⁵. Несмотря на многочисленные труды, посвященные «феномену Лысенко», лысенкоизму, этот феномен, имеющий важное социальное значение, активно обсуждавшийся на нескольких конференциях за рубежом в последние годы, даже в настоящее время характеризуется как «белое пятно» в социальной истории науки⁶. С точки зрения социальной эпистемологии и философии науки он также осмыслен далеко не в полной мере.

Данная статья отчасти посвящена восполнению этого пробела.

«Великая практика требует великой теории...»

Мысль Н.И. Бухарина, вынесенная в заголовок данного раздела статьи, занимала почетное место в его докладе на всемирном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне в 1931 году⁷. Такой теорией, по Бухарину, конечно, является марксизм, а триумф социалистической революции в России, по существу, должен повлечь за собой не просто расцвет науки в новом обществе, а революцию в методах научного познания.

Анализ различных областей науки под углом зрения марксистской методологии, диалектико-материалистических представлений должен вскрыть качественно новые их законы и тем самым существенно продвинуть эти науки на пути познания природы, общества и человека. Это означало

⁵ *Dejong-Lambert W., Kremontsov N.* On Labels and Issues: The Lysenko Controversy and the Cold War // *Journal of History of Biology*. 2012. Vol. 45. P. 373–388; *Колчинский Э.И.* Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко в пространстве историко-научных исследований // *Природа*. 2018. № 1. С. 3–14; *Колчинский Э.И.* «В бой идут одни старики...», или о перспективах возрождения лысенкоизма в России // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2018. № 1. С. 365–384; *Колчинский Э.И., Ермолаев А.И.* Разгромный август 1948 года: как власть боролась с биологией // *Политическая концептология*. 2018. № 3. С. 89–112; *Колчинский Э.И.* Пятьдесят лет спустя: размышления над книгами, изданными к 130-летию юбилею со дня рождения Н.И. Вавилова и накануне 70-летия августовской сессии ВАСХНИЛ // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2018. № 3. С. 559–591; *Harper P.S.* Some Pioneers of European Genetics // *European Journal of Human Genetics*. 2017. Vol. 47. P. 1–18; *Wang Z., Liu Y.* Lysenko and Russian Genetics: an Alternative View // *European Journal of Human Genetics*. 2017. Vol. 25. P. 1097–1098; *Harper P.S.* Lysenko and Russian Genetics: Reply to Wang and Liu // *European Journal of Human Genetics*. 2017. Vol. 25. P. 1098; *Gordin M.* Lysenko Unemployed: Soviet Genetics after the Aftermath // *ISIS*. 2018. Vol. 109. No. 1. P. 56–78.

⁶ *Конашев М.Б.* Лысенкоизм как «белое пятно» в «социальной истории науки». Ч. 1 // *Социология науки и технологий*. 2017. Т. 8. № 2. С. 21–30; Ч. 2. Т. 8. № 3. С. 18–24; Ч. 3. Т. 9. № 2. С. 23–37.

⁷ *Bukharin N.I.* Theory and practice from the standpoint of dialectical materialism // *Science at the Crossroads. Papers Presented to the International Congress of the History of Science and Technology Held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the delegates of the U.S.S.R. L., 1931.* <https://www.marxists.org/archive/bukharin/works/1931/diamat/index.htm> (дата обращения: 25.05.2019).

«диалектизацию» физики, биологии и других естественных наук, равно как и наук социально-гуманитарного профиля, а значит, и отход от натурализма, который настаивал на эмпирическом базисе науки, в сторону идеологических представлений, а значит, и в немалой степени к социоцентризму.

Н.И. Бухарин фактически придерживался метода «идеологического соответствия», согласно которому на прогрессивной стадии развития общественных систем порождается прогрессивная наука, а на стадии их регресса наука неизбежно теряет свой познавательный потенциал и выродается в псевдонауку. Так, в книге «Социально-экономические корни механики Ньютона», которая явилась определенным развитием также лондонского доклада 1931 года и увидела свет на русском языке в 1933 году, в духе метода идеологического соответствия Б.М. Гессен, который ныне считается родоначальником таких влиятельных направлений в философии науки, как экстернализм и социальные исследования науки (*social studies of science*), рассуждал о том, что в эпоху Ньютона «подымающаяся буржуазия ставит естествознание себе на службу, на службу развитию производительных сил... Являясь для этого времени наиболее прогрессивным классом, она требует наиболее прогрессивной науки»⁸. Это означает, что наука нового – социалистического – общества должна решительно преодолеть «буржуазное» наследие, которое заставляет ее «отставать от жизни», и, руководствуясь революционной теорией Маркса и Ленина, наука должна качественно преобразиться, предоставив производительным силам широкие горизонты развития. Вера в появление такого рода науки, питаемой марксистской методологией, была характерна для очень многих советских ученых того периода.

Отчетливо выраженный социальный реализм и вульгарный социоцентризм марксизма в его советской версии, явно культивировавшие социальный детерминизм и неявно предполагавшие безусловную доминанту целого над частью, исходили из той посылки, что обществу, вооруженному передовой идеологией, под силу воспитать и принципиально нового человека, который всецело является вершителем своей судьбы и смелым строителем своего будущего, или же перевоспитать («перековать») человека старой формации. Сущность человека определяется совокупностью всех общественных отношений, провозглашал Маркс, а, следовательно, преобразование общественных отношений не может не изменить сущность человека. Естественный компонент сущности человека, задаваемой самой природой, его биологическими и физиологическими особенностями, как и следовало из установки вульгарного социоцентризма, здесь фактически принимался во внимание лишь как совершенствование его физических данных, важных для строительства нового общества. Главное – воспитание (или перевоспитание). Именно это убеждение, например, воплощалось в педагогической системе А.С. Макаренки. Это же убеждение от мира человека было фактически экстраполировано и на растительный мир. Наиболее активным проводником этого убеждения в практической плоскости аграрной науки и растениеводства выступал Т.Д. Лысенко.

⁸ Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. Государственное технико-теоретическое изд-во. М.; Л., 1933. С. 24. Подробнее см.: *Bazhanov V. Social Milieu and Evolution of Logic, Epistemology, and the History of Science: The Case of Marxism // Epistemology and the Social. Amsterdam, 2008. P. 157–169.*

Что требуется практике, чтобы показать «действенность, мощь, посюсторонность» нашего мышления?

Как понимать, что «вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая *объективный* критерий истины»? Если практическая деятельность представляет собой чувственно-предметную, целеполагающую деятельность человека, то каковы ее особенности в плане демонстрации «действенности, мощи, посюсторонности» нашего мышления? Раз практическая деятельность есть процесс, то возникает вопрос, в частности, о такой ее особенности, как (примерная) длительность этого процесса, достаточная для того, чтобы практика могла приобрести статус объективного критерия истины. Достаточен ли одномоментный эпизод («факт»)? Или нужен год, порой десятилетие, а то и век? В ортодоксальном марксизме, насколько мне известно, на этом вопросе внимания не заостряли. Между тем понятно, что в силу (опять-таки марксистского) принципа конкретности истины однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно. И тем не менее в случае более или менее стойкого убеждения в правомерности и существовании *научной* истины требуется *воспроизводимость* экспериментов, фиксирующих определенные *факты*.

Воспроизводимость неявно подразумевает наличие некоторого временного промежутка, достаточного для этой процедуры и ее оценки. Таким образом, своего рода операциональный аспект практики как критерия истины – это как минимум очевидная воспроизводимость опыта (и соответствующей фактологии). И вот здесь обнажается парадокс принципа марксистской теории и практики: теория предписывает следование практике как критерию объективной истины, но в атмосфере феномена идеологизированной науки, характерной для (по меньшей мере) 1920–1950-х годов существования Советского Союза и других коммунистических государств, для ряда громких кампаний и эпизодов обнаруживается стойкая, продолжающаяся десятилетиями по причине действия эффекта «эхо-камеры» (о котором будет сказано ниже) «когнитивная слепота», которая фактически для некоторых ситуаций в науке упраздняла стержневой принцип марксизма (единства теории и практики): фактор невоспроизводимости опыта в течение *десятилетий* фактически не играл сколько-нибудь значимой роли ни в государственных решениях, ни в процессе ассимиляции неподтверждаемых практикой теорий заметной частью научного сообщества. Как такое могло иметь место?

Феномен Лысенко как квинтэссенция идеологизированной науки

Феномен Лысенко, обстоятельства его взлета и роль в разгроме отечественной генетики подробно и глубоко описаны в литературе¹⁰. Я затрону лишь тот аспект этой истории, который непосредственно касается принципа

⁹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 18. М., 1968. С. 198.

¹⁰ Joravsky D. The Lysenko Affair. Chicago; L., 1986; Эфроимсон В.П. О Лысенко и лысенковщине // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 79–93; № 2. С. 132–137; № 3. С. 96–109; № 4. С. 100–111; Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. М., 1993; Сойфер В. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993; Roll-Hansen N. The Lysenko Effect. The Politics of Science. Amherst (N.Y.), 2005; Dejong-Lambert W., Kremontsov N. On Labels and Issues. P. 373–388; Колчинский Э.И. Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко в пространстве историко-научных исследований. С. 3–14; Грэм Л. Лысенко вблизи // Историко-биологические исследования. 2018. Т. 10. № 1. С. 42–51.

единства теории и практики. В контексте многих идеологических установок, ограничивающих возможности критической рефлексии, последовательного воплощения в жизнь данного принципа вряд ли можно было ожидать. Среди закономерностей становления и развития коммунистических режимов феномены идеологизированной науки и вульгарного социоцентризма воспроизводились в той или иной форме с жесткой (можно даже утверждать – неминуемой) регулярностью.

Для революционно настроенной части российского общества, которая стремилась к переустройству социума на базе новой идеологии, было типичным подозрительное отношение к «буржуазной», «правительственной» науке, которое означало сомнение в том, что она способна достичь объективной истины. Такое отношение выражали не только сторонники Маркса и Ленина, но и, например, анархисты (М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин). После Октябрьского переворота новое общество взывало к созданию «пролетарской» науки (А.А. Богданов), надеясь на ее невиданные достижения.

В фигуре Т.Д. Лысенко удачным образом как раз и сконцентрировались черты ученого нового типа: человек из гущи народа (украинских крестьян), получивший и среднее образование (училище садоводства), и высшее в аграрном вузе (заочное). Был вовлечен в опыты по селекции растений (но математически обработать результаты опытов самостоятельно не мог; статистику не только не понимал, но и отвергал ввиду того обстоятельства, что «наука – враг случайностей»). В 1928 году выходит его (как оказывается, фактически единственная) более или менее объемная научная работа (большую часть которой занимали таблицы данных; впоследствии в публикациях Лысенко доминировал публицистический и пропагандистский стиль). Благодаря своей энергичности был замечен рядом видных агробиологов и, главное, представителями власти.

Н.И. Вавилов, избранный действительным членом АН СССР в 1929 году и возглавивший Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), способствовал продвижению исследователя из народа, который в 1934 году был избран действительным членом АН Украинской ССР, а через год – действительным членом АН СССР и награжден орденом Ленина. Еще в конце 1920-х годов «по инициативе наркомзема УССР А.Г. Шлихтера началась агрессивная пропаганда мифа о “народном академике” Лысенко», которая граничила едва ли не с его «сакрализацией»¹¹. Между тем в профессиональном плане, согласно отзывам действительно квалифицированных оппонентов, Лысенко был малограмотен, замещающая качества исследователя общественной активностью и выступлениями в духе передовиц «Правды» в средствах массовой информации (включая и в возглавляемом им журнале «Яровизация»). Пользуясь высоким положением, достигнутым благодаря своему происхождению и публичной активности, он фонтанировал все новыми и новыми проектами: обещал правительству резкое, едва ли не фантастическое увеличение урожайности зерновых путем своего рода быстрого «воспитания» растений разными методами, например перекрестного скрещивания опылителей, радикального продвижения ряда культур (например, абрикоса и винограда) на север и т.п.¹² Наиболее известен метод яровизации,

¹¹ Колчинский Э.И. Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко в пространстве историко-научных исследований. С. 4.

¹² См.: Любичев А.А. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. Ульяновск, 2004. С. 308–311.

который как бы транслировал крестьянский обычай работы с семенами в область агробиологии (вместо их согревания перед посевом предлагалось их охлаждение, которое якобы позволит семенам адаптироваться к неблагоприятным погодным условиям, «воспитать» их для всходов, если весна выдается холодной). «Обещания Лысенко в краткие сроки вывести устойчивые сорта и путем яровизации повысить урожайность давали шанс партийным функционерам избежать ответственности за коллективизацию и голодомор», – замечает Э.И. Колчинский¹³.

Между тем опыты, проверяющие метод яровизации, посевы по стерне, культивирование ветвистой пшеницы, как и многие другие проекты Лысенко, продолжались многие годы, но какие-либо положительные результаты отсутствовали.

Во время Великой Отечественной войны страна отчаянно нуждалась в каучуке. Лысенко предложил получать каучук посредством гнездовых посадок среднеазиатского растения кок-сагыза. Попытки получения достаточного количества каучука из кок-сагыза также продолжались довольно длительное время, но этот каучук в буквальном смысле был на вес золота и поэтому получаемые объемы никак не могли удовлетворить государственные потребности, которые в тот период удовлетворялись синтетическим каучуком не очень высокого качества. Лишь по ленд-лизу в СССР была передана более совершенная технология получения синтетического каучука.

Таким образом, и в случае каучука Лысенко ничего не добился. Субтропические культуры так и не прижились в северных районах.

Многие крупные биологи серьезно критиковали деятельность Лысенко. Они напрямую обращались к руководителям страны, обосновывая колоссальный вред, наносимый Лысенко сельскохозяйственному производству¹⁴. Лысенко и его последователи упорно игнорировали эту критику на том основании, что она инспирирована врагами социалистического отечества и отечественной науки, которая противостоит вырождающейся буржуазной науке. Критику Лысенко власти также совершенно не замечали, хотя секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, в 1946–1947 годах главный идеолог партии, и его сын Ю. А. Жданов, с декабря 1947 года возглавлявший отдел науки ЦК ВКП(б), скептически относились к работам Лысенко¹⁵. Тем не менее благожелательное отношение Сталина нивелировало любые попытки критической оценки деятельности Лысенко. Тоталитарный политический режим требовал слияния личности с личностью «вождя», причем этот феномен едва ли не «голографически» воспроизводился на всех ответвлениях вертикали власти. Лысенко был назначен властью «вождем» в области агробиологии.

Исповедуя марксизм-ленинизм, верховная власть СССР, вопреки смыслу ключевого принципа марксизма (единства теории и практики), упорно не обращала внимания на многолетнюю негативную сельскохозяйственную практику Лысенко. Здесь действовала система «эхо-камер и/или эпистемических пузырей» (epistemic echo chambers, epistemic bubbles). Эпистемическими «эхо-камерами» или «пузырями» сейчас в философии науки и социальной

¹³ Колчинский Э.И. Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко в пространстве историко-научных исследований. С. 11.

¹⁴ Эфроимсон В.П. Указ. соч.

¹⁵ Вавилов Ю.Н. Обмен письмами между Т.Д. Лысенко и И.В. Сталиным в октябре 1947 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 153–154.

эпистемологии называют ситуации, в которых информация о каких-либо явлениях черпается из заведомо и принудительно ограниченных источников, игнорирующих или даже подавляющих альтернативные источники¹⁶. Отсюда и вытекала «когнитивная слепота» и власти, и многих сторонников Лысенко, которые как бы и находились в эпистемической эхо-камере, в пределах которой они «слышали» только свои собственные голоса.

Лысенко к тому же успешно удалял своих критиков (из жизни; кому везло больше – лишь из науки). На сессии ВАСХНИЛ 1948 года он разгромил отечественных генетиков, провозгласив «единственно научной» лишь мичуринскую агробиологию, которая коренным образом отличается от «менделеевско-моргановской» генетики. Еще в 1940 году он был назначен директором Института генетики АН СССР, заменив репрессированного и позже погибшего в саратовской тюрьме Н.И. Вавилова. Спротивление Лысенко продолжали оказывать физики и математики, среди которых было немало влиятельных и именитых ученых. Однако вплоть до потери власти Н.С. Хрущевым в 1964 году Лысенко был «непотопляемым».

Чем можно объяснить феномен невероятного академического долгожительства Лысенко в условиях фактического краха всех практических воплощений его идей?

Власть как духовная опора идеологизированной науки

Лысенко был обласкан властью. Именно власть объясняет его «могущество» и фактор академического долгожительства, несмотря на отсутствие каких-либо убедительных доказательств практических приложений его теоретических конструкций. Ему покровительствовал в период его взлета и утверждения властного академического положения в биологии президент АН СССР в 1936–1945 годах ботаник В.Л. Комаров, который по существу разделял взгляды Ламарка, относящиеся к наследованию приобретенных признаков¹⁷. Сам же Лысенко и его сторонники, фактически следовавшие

¹⁶ Baumgaertner B. Yes, No, Maybe So: A Veritistic Approach to Echo Chambers Using a Trichotomous Belief Model // *Synthese*. 2014. Vol. 191. P. 2549–2569; Boyd K. Epistemically Pernicious Groups and the Groupstrapping Problem // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 33 (1). P. 61–73.

¹⁷ Современная эпигенетика лишь с поверхностной точки зрения напоминает ламаркизм, но развивается в контексте неodarвинизма, поскольку изучает влияние среды на молекулярные процессы, существенно влияющие на активность генома без изменения последовательности ДНК в самих генах. Это обстоятельство позволяет, однако, в определенном смысле говорить о некоторой слабой форме неоламаркизма (*Transformations of Lamarckism. From Subtle Fluids to Molecular Biology*. Cambridge (Mass.), 2011; Wang Y, Liu H., Sun Z. Lamarck Rises from his Grave: Parental Environment-Induced Epigenetic Inheritance in Model Organisms and Humans // *Biological Reviews*. 2017. Vol. 92. P. 2084–2111). Развитие эпигенетики на ранних этапах, когда механизмы наследования некоторых приобретенных признаков были еще не известны, отчасти тормозилось невольными параллелями с лысенкоизмом и воспоминаниями о черных днях и разгроме генетики в СССР. Эпигенетика вдруг стала использоваться некоторыми российскими биологами с целью реабилитации Лысенко. Между тем архаичные идеи Лысенко не имеют никакого отношения к современной эпигенетике. Этот факт убедительно обосновывается и зарубежными (*Deichmann U. Epigenetics: The Origins and Evolution of a Fashionable Topic // Developmental Biology*. 2016. Vol. 416. P. 253; *Harper P.S. Lysenko and Russian Genetics*. P. 1098), и отечественными учеными (*Голубовский М.Д. Призрак Лысенко и его современные инкарнации // Историко-биологические исследования*. 2015. Т. 7 (2). С. 115–130; *Колчинский Э.И. «В бой идут одни старики...»*. С. 365–384).

в своих примитивных концепциях, предполагавших «воспитание» растений, Ламарку (и по существу вульгарному социоцентризму), объявляли себя последователями Ч. Дарвина, в пик буржуазному космополитизму воплощающими в действительность заветы И.В. Мичурина. Главное же заключается в том, что Лысенко покровительствовал сам И.В. Сталин, который в письмах даже обращался к Лысенко по имени и отчеству, что было довольно редким явлением¹⁸.

В воспоминаниях о великом отечественном генетике Н.К. Кольцове приводят эпизод, который иллюстрирует могущество Лысенко. Еще в начале 1935 года, на 2-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников Т.Д. Лысенко был открыто и горячо поддержан Сталиным (такие эмоциональные акты были совсем не характерны для Сталина). «Народный академик действовал психологически выверенно, он знал, на что упираться, чтобы понравиться, всячески показывая свою скромность, и, видимо, попал в десятку, заявив: “Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте яровизации?”. Тут Сталин встал с места и, аплодируя, выкрикнул в зал: “Браво, товарищ Лысенко, браво!”. Демонстративное одобрение вождя перевешивало оценки любых, взятых вместе, ученых экспертов»¹⁹.

Борьба против космополитизма означала утверждение отечественных авторитетов – основоположников в науке. В агробиологии на роль такого авторитета был выбран И.В. Мичурин, а подхватить эстафетную палочку развития мичуринского творческого наследия было доверено «народному» академику Лысенко, который и отстаивал принципы пролетарского подхода к растениеводству.

Тоталитарный режим, создавший атмосферу, благоприятствующую возникновению и развитию феномена идеологизированной науки и эффекта «эхо-камеры», обладал свойством «свехпроводимости», которое, в частности, выражалось в том, что оценки и суждения «вождя», первого человека в государстве, без искажений распространялись на всех, кого они касались. Под этим «зонтиком» и оказался Лысенко, и пребывал под ним не только при безграничной власти Сталине, но и при менее могущественном Хрущеве. Их «когнитивная слепота» заставляла «вертикаль власти» закрывать глаза на многочисленные пустые обещания «райских куш» в сельском хозяйстве, но практическую бесплодность идей Лысенко.

Марксизм-ленинизм в практической деятельности помещал принцип единства теории и практики в качестве критерия истины в область далекой периферии. Нельзя также не обратить внимания на то обстоятельство, что марксистско-ленинская идеология и ее носитель, советская власть, если перефразировать известное выражение К. Маркса, в своем революционном порыве не нуждались в помощи «духов прошлого» и не заимствовали у них «имена, боевые лозунги, костюмы». Прошлое отрицалось не диалектически, а скорее «метафизически», то есть через марксистское истолкование сущности «метафизического метода» как «голового отрицания». Если иметь в виду критерий воспроизводимости, то можно заключить, что в иных вариантах доктрина марксизма в том виде, в котором она замышлялась создателями в отношении науки, на практике оказалась осуществимой с большими искажениями.

¹⁸ Вавилов Ю.Н. Обмен письмами между Т.Д. Лысенко и И.В. Сталиным в октябре 1947 г. С. 164.

¹⁹ Бабков В.В. Н.К. Кольцов и его институт в 1938–1939 гг. // Онтогенез. 1992. № 4. С. 447; Раменский Е.В. Николай Кольцов: Биолог, обогнавший время. М., 2012. С. 322.

Список литературы

- Бабков В.В. Н.К. Кольцов и его институт в 1938–1939 гг. // Онтогенез. 1992. № 4. С. 443–459.
- Бажанов В.А. Социальный климат и история науки. Парадоксы марксистской теории и практики // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2007. Т. XI. № 1. С. 146–156.
- Вавилов Ю.Н. Обмен письмами между Т.Д. Лысенко и И.В. Сталиным в октябре 1947 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 153–157.
- Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: ГТТИ, 1933. 77 с.
- Голубовский М.Д. Призрак Лысенко и его современные инкарнации // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7 (2). С. 115–130.
- Грэм Л. Лысенко вблизи // Историко-биологические исследования. 2018. Т. 10. № 1. С. 42–51.
- Колчинский Э.И. Н.И. Вавилов и Т.Д. Лысенко в пространстве историко-научных исследований // *Природа*. 2018. № 1. С. 3–14.
- Колчинский Э.И. «В бой идут одни старики...», или о перспективах возрождения лысенкоизма в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. № 1. С. 365–384.
- Колчинский Э.И. Пятьдесят лет спустя: размышления над книгами, изданными к 130-летию юбилею со дня рождения Н.И. Вавилова и накануне 70-летия августовской сессии ВАСХНИЛ // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. № 3. С. 559–591.
- Колчинский Э.И., Ермолаев А.И. Разгромный август 1948 года: как власть боролась с биологией // *Политическая концептология*. 2018. № 3. С. 89–112.
- Конашев М.Б. Лысенкоизм как «белое пятно» в «социальной истории науки». Ч. 1 // *Социология науки и технологий*. 2017. Т. 8. № 2. С. 21–30; Ч. 2. Т. 8. № 3. С. 18–24; Ч. 3. Т. 9. № 2. С. 23–37.
- Коновалов Ю.Б. Иосифу Виссарионовичу Сталину от академика Т.Д. Лысенко // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 2. С. 157–166.
- Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.*: в 55 т. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. 525 с.
- Ленин В.И. Философские тетради // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.*: в 55 т. Т. 29. М.: Политиздат, 1969. 782 с.
- Любичев А.А. О монополии Т.Д. Лысенко в биологии. Ульяновск: УлГПУ, 2004. 422 с.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*: в 39 т. Т. 3. 2–3-е изд. М.: Политиздат, 1955. С. 1–4.
- Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко. М.: Книга, 1993. 348 с.
- Пружинин Б.И. Социологизм в эпистемологии (критические заметки) // *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. В.А. Лекторский*. М.: ИФ РАН, 2012. С. 61–79.
- Раменский Е.В. Николай Кольцов: Биолог, обогнавший время. М.: Наука, 2012. 388 с.
- Сойфер В. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.
- Эфроимсон В.П. О Лысенко и лысенковщина // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 79–93; № 2. С. 132–137; № 3. С. 96–109; № 4. С. 100–111.
- Baumgaertner B. Yes, No, Maybe So: A Veritistic Approach to Echo Chambers Using a Trichotomous Belief Model // *Synthese*. 2014. Vol. 191. P. 2549–2569.
- Vazhanov V.A. Social Milieu and Evolution of Logic, Epistemology, and the History of Science: The Case of Marxism // *Epistemology and the Social / Ed. by E. Agazzi, J. Echeverria, A.G. Rodriguez*. Amsterdam: Rodopi, 2008. P. 157–169.
- Boyd K. Epistemically Pernicious Groups and the Groupstrapping Problem // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 33 (1). P. 61–73.
- Bukharin N.I. Theory and practice from the standpoint of dialectical materialism // *Science at the Crossroads. Papers Presented to the International Congress of the History of Science and Technology Held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the delegates of the U.S.S.R.* L.: Frank Cass and Co. 1931. <https://www.marxists.org/archive/bukharin/works/1931/diamat/index.htm> (дата обращения: 25.05.2019).

- Deichmann U. Epigenetics: The Origins and Evolution of a Fashionable Topic // *Developmental Biology*. 2016. Vol. 416. P. 249–254.
- Dejong-Lambert W., Krementsov N. On Labels and Issues: The Lysenko Controversy and the Cold War // *Journal of History of Biology*. 2012. Vol. 45. P. 373–388.
- Gordin M. Lysenko Unemployed: Soviet Genetics after the Aftermath // *ISIS*. 2018. Vol. 109. No. 1. P. 56–78.
- Harper P.S. Some Pioneers of European Genetics // *European Journal of Human Genetics*. 2017. Vol. 47. P. 1–18.
- Harper P.S. Lysenko and Russian Genetics: Reply to Wang & Liu // *European Journal of Human Genetics*. 2017. Vol. 25. P. 1098.
- Joravsky D. *The Lysenko Affair*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1986. 474 p.
- Roll-Hansen N. *The Lysenko Effect. The Politics of Science*. Amherst (N.Y.): Humanity Books, 2005. 335 p.
- Transformations of Lamarckism. From Subtle Fluids to Molecular Biology / Ed. by S.B. Gissis and E. Jablonka. Cambridge (Mass.): MIT Press. 2011. 480 p.
- Wang Z., Liu Y. Lysenko and Russian Genetics: an Alternative View // *European Journal of Human Genetics*. 2017. Vol. 25. P. 1097–1098.
- Wang Y., Liu H., Sun Z. Lamarck Rises from his Grave: Parental Environment-Induced Epigenetic Inheritance in Model Organisms and Humans // *Biological Reviews*. 2017. Vol. 92. P. 2084–2111.

Marxism and ideologized science phenomenon. Paradoxes of Marxist theory and practice*

Valentin A. Bazhanov

Ulyanovsk State University. 42 L. Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432000, Russian Federation; e-mail: vbazhanov@yandex.ru; web: <http://staff.ulsu.ru/bazhanov>

The article analyzes the principle of practice, which is one of key principles of Marxism (Marxism-Leninism) that functions as a criterion of truth in epistemology, and a perspective according to which the essence of a personality and of social phenomena is formed exclusively by the given social and economic reality (the vulgar sociocentrism). In fact, the principle of practice has been interpreted as a principle of the unity of theory and practice. The author claims that an inquiry into the features of practical implementation of this principle in terms of ideologized science reveals a paradox. The paradox has to do with the peripheral status received by that the principle of unity of theory and practice as a criterion of truth in totalitarian regimes and had little influence on decision making. Due to the so-called epistemic bubbles and/or echo-chamber effects, sociocentrism nurtured the phenomenon of ideological science. This resulted in the long-lasting support for non-scientific concepts that promised significant practical results, but later proved fruitless. This phenomenon is discussed on the material of the so-called “Michurin biology” developed by T.D. Lysenko. The author the reasons why the discipline developed by T.D. Lysenko remained “alive” for so long without any firm practical confirmation for several decades. It is argued that within the so-called ideological science, the scientific criterion of reproducibility of an experiment gets demoted to the periphery of the methodological consciousness.

Keywords: Marxism-Leninism, the principle of practice, sociomorphism, ideologized science, Lysenko

* The present study has been completed with financial support from the Russian Foundation for Basic Research under the Project No. 19-011-00007a “The problem of synthesis of naturalism and sociocentrism in cognitive science: origins and impact upon epistemology and philosophy of science”.

For citation: Bazhanov, V.A. “Marksizm i vul’garnyi sotsiotsentrizm. Paradoksy marksistskoi teorii i praktiki” [Marxism and ideologized science phenomenon. Paradoxes of Marxist theory and practice], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 1, pp. 97–109. (In Russian)

References

- Babkov, V.V. “N.K. Kol’tsov i ego institut v 1938–1939 gg.” [N.K. Kol’tsov and His Institute in 1938–1939], *Ontogenez*, 1992, No. 4, pp. 443–459. (In Russian)
- Baumgaertner, B. “Yes, No, Maybe So: A Veritistic Approach to Echo Chambers Using a Trichotomous Belief Model”, *Synthese*, 2014, Vol. 191, pp. 2549–2569.
- Bazhanov, V.A. “Sotsial’nyi klimat i istoriya nauki. Paradoksy marksistskoi teorii i praktiki” [Social Milieu and History of Science. Paradoxes of Marxist Theory and Practice], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2007, Vol. XI, No. 1, pp. 146–156. (In Russian)
- Bazhanov, V.A. “Social Milieu and Evolution of Logic, Epistemology, and the History of Science: The Case of Marxism”, *Epistemology and the Social*, ed. by E. Agazzi, J. Echeverria, A.G. Rodriguez. Amsterdam: Rodopi, 2008, pp. 157–169.
- Boyd, K. “Epistemically Pernicious Groups and the Groupstrapping Problem”, *Social Epistemology*, 2018, Vol. 33 (1), pp. 61–73.
- Bukharin, N. I. “Theory and practice from the standpoint of dialectical materialism”, *Science at the Crossroads. Papers Presented to the International Congress of the History of Science and Technology Held in London from June 29th to July 3rd, 1931 by the delegates of the U.S.S.R.* London, Frank Cass and Co. 1931 [<https://www.marxists.org/archive/bukharin/works/1931/diamat/index.htm>, accessed on 25.05.2019].
- Deichmann, U. “Epigenetics: The Origins and Evolution of a Fashionable Topic”, *Developmental Biology*, 2016, Vol. 416, pp. 249–254.
- Delong-Lambert, W. & Krementsov, N. “On Labels and Issues: The Lysenko Controversy and the Cold War”, *Journal of History of Biology*, 2012, Vol. 45, pp. 373–388.
- Efroimson, V.P. “O Lysenko i lysenkovshchine” [On Lysenko and Lysenkoism], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1989, No. 1, pp. 79–93; No. 2, pp. 132–137; No. 3, pp. 96–109; No. 4, pp. 100–111. (In Russian)
- Golubovskii, M.D. “Prizrak Lysenko i ego sovremennye inkarnatsii” [The Ghost of Lysenko and His Contemporary Incarnations], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 2015, Vol. 7 (2), pp. 115–130. (In Russian)
- Gordin, M. “Lysenko Unemployed: Soviet Genetics after the Aftermath”, *ISIS*, 2018, Vol. 109, No. 1, pp. 56–78.
- Graham, L. “Lysenko vblizi” [Lysenko Up Close], *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, 2018, Vol. 10, No. 1, pp. 42–51. (In Russian)
- Harper, P.S. “Some Pioneers of European Genetics”, *European Journal of Human Genetics*, 2017, Vol. 47, pp. 1–18.
- Harper, P.S. “Lysenko and Russian genetics: Reply to Wang & Liu”, *European Journal of Human Genetics*, 2017, Vol. 25, p. 1098.
- Hessen, B.M. *Sotsial’no-ekonomicheskie korni mekhaniki N’yutona* [The Social and Economic Roots of Newton’s Principia]. Moscow; Leningrad: GTTI Publ., 1933. 77 pp. (In Russian)
- Joravsky, D. *The Lysenko Affair*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1986. 474 pp.
- Kolchinskii, E. I. “‘V boj idut odni stariki...’, ili o perspektivah vrozozhdeniya lysenkoizma v Rossii” [‘Some old people go to battle...’, or about the prospects for the revival of Lysenkoism in Russia], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2018, No. 1, pp. 365–384. (In Russian)
- Kolchinskii, E.I. “N.I. Vavilov i T.D. Lysenko v prostranstve istoriko-nauchnykh issledovaniy” [N.I. Vavilov and T.D. Lysenko in Context of History of Science Studies], *Priroda*, 2018, No. 1, pp. 3–14. (In Russian)

- Kolchinsky, E.I. "Pyat' desyat let spustya: razmyshleniya nad knigami, izdannymi k 130-letnemu yubileyu so dnya rozhdeniya N.I. Vavilova i nakanune 70-letiya avgustovskoy sessii VASKHNIL" [Fifty years later: reflections on books published for the 130th anniversary of the birth of N.I. Vavilova and the eve of the 70th anniversary of the August session of the Academy of Agricultural Sciences], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, 2018, No. 3, pp. 559–591. (In Russian)
- Kolchinsky, E.I. & Ermolaev, A.I. "Razgromnyy avgust 1948 goda: kak vlast' borolas' s biologiyey" [The crushing August 1948: how power struggled with biology], *Politicheskaya kontseptologiya*, 2018, No. 3, pp. 89–112. (In Russian)
- Konovalov, Yu.B. "Iosifu Vissarionovichu Stalinu ot akademika T.D. Lysenko" [To Iosif Vissarionovich Stalin from T.D. Lysenko], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1989, No. 2, pp. 157–166. (In Russian)
- Lenin, V.I. "Materializm i empiriokrititsizm" [Materialism and Empiriocriticism], in: V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Collection of Works], Vol. 18. Moscow: Politizdat Publ., 1968. 525 pp. (In Russian)
- Lenin, V.I. "Filosofskie tetradi" [Philosophical Papers], in: V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii* [Collection of Works], Vol. 29. Moscow: Politizdat Publ., 1969. 782 pp. (In Russian)
- Lyubishchev, A.A. *O monopolii T.D. Lysenko v biologii* [On monopoly of T.D. Lysenko in biology]. Ulyanovsk: UIGPU Publ., 2004. 422 pp. (In Russian)
- Marx, K. "Tezisy o Feiervakhe" [Theses on Feuerbach], in: K. Marx & F. Engel, *Sochineniya* [Works], Vol. 3. Moscow: Politizdat Publ., 1955, pp. 1–4. (In Russian)
- Medvedev, Zh. *Vzlet i padenie Lysenko* [Rise and Fall of Lysenko]. Moscow: Kniga Publ., 1993. 348 pp. (In Russian)
- Pruzhinin, B.I. "Sotsiologizm v epistemologii (kriticheskiye zametki)" [Sociologism in epistemology (critical notes)], *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz* [Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis], ed. by V.A. Lektosky. Moscow: IPh RAS Publ., 2012, pp. 61–79. (In Russian)
- Ramenskii, E.V. *Nikolai Kol'tsov: Biolog, obognavshii vremya* [Nikolai Kol'tsov: Biologist Ahead of His Time]. Moscow: Nauka Publ., 2012. 388 pp. (In Russian)
- Roll-Hansen, N. *The Lysenko Effect. The Politics of Science*. Amherst, N.Y.: Humanity Books, 2005. 335 pp.
- Soifer, V. *Vlast' i nauka. Istoriya razgroma genetiki v SSSR* [Power and Science. History of the Defeat of Genetics in the USSR]. Moscow: Lazur' Publ., 1993. 706 pp. (In Russian)
- Gissis, B. & Jablonka, E. (eds.) *Transformations of Lamarckism. From Subtle Fluids to Molecular Biology*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2011. 480 pp.
- Vavilov, Yu.N. "Obmen pis'mami mezhdru T.D. Lysenko i I.V. Stalinyim v oktyabre 1947 g." [The Change of Letters Between T.D. Lysenko and I.V. Stalin in October 1947], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1998, No. 2, pp. 153–157. (In Russian)
- Wang, Z. & Liu, Y. "Lysenko and Russian Genetics: an Alternative View", *European Journal of Human Genetics*, 2017, Vol. 25, pp. 1097–1098.
- Wang, Y., Liu, H. & Sun, Z. "Lamarck Rises from his Grave: Parental Environment-Induced Epigenetic Inheritance in Model Organisms and Humans", *Biological Reviews*, 2017, Vol. 92, pp. 2084–2111.